

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Третий
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло или Всё Включено,
Кроме Любви. Эпизод Третий**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Третий /
Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод Третий

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Третий	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Третий

Эпизод Третий

Март приходит в Лондон не как весна, а как слух о весне — кто-то явно пустил его по городу, но подтверждений пока никаких. Деревья на Аппер-стрит стоят голые и обиженные, будто их забыли предупредить о смене сезона, а небо каждое утро решает заново, будет ли оно сегодня серым или просто очень светло-серым. Я, Кейт, тридцать четыре года, обнаруживаю себя перед тем же ноутбуком, что и всегда, только теперь на экране не документ, а таблица — да, таблица, — потому что моя книга, оказывается, требует не только вдохновения, но и логики.

Таблица называется «Интервью — эпоха одиночества», и в ней три колонки: Имя, Статус, Согласился ли говорить откровенно. У меня уже пятнадцать строк. Одиннадцать «да», три «может быть» и одно гордое «только анонимно и только если вы поклянетесь, что моя мама это не прочтает» от мужчины по имени Грэм, который работает в страховании и явно застраховал себя от эмоциональной честности задолго до нашего разговора.

Колонка, которую я дописала на прошлой неделе, всё ещё открыта во второй вкладке:

«Есть особый вид тщеславия в том, чтобы думать, что твоё одиночество уникально. На самом деле оно почти всегда до отвращения типично — те же паттерны, те же оправдания, тот же список приложений, удалённых и установленных заново с регулярностью лунного цикла. Возможно, единственное по-настоящему уникальное решение — это признать типичность и перестать искать в ней утешение, а начать искать в ней данные».

Я закрываю ноутбук, потому что через час — первое из моих запланированных интервью, и мне нужно успеть выпить кофе, надеть что-то, что выглядит одновременно как «серьёзная журналистка» и «не слишком серьёзная журналистка, расслабься», и доехать до Сохо, где меня ждёт человек по имени Бенедикт — тридцать восемь лет, разведён, согласился встретиться в баре в два часа дня, потому что, по его словам, «трезвым про это говорить невозможно».

I

Моника проводит первую субботу марта не с гантелями и не с риелтором, а посреди коробок — в буквальном смысле слова посреди, потому что переезд в квартиру с Томом оказался логистической операцией, которую она, финансовый аналитик, привыкшая планировать бюджеты на пять лет вперёд, катастрофически недооценила.

— Том, — говорит она, стоя над коробкой, подписанной «КУХНЯ (ВАЖНОЕ)», в которой почему-то лежат три пульта от телевизора, которого у них ещё нет, и ни одной кастрюли, — объясни мне логику. Просто объясни мне логику вот этого.

— Какую логику?

— Логике коробки, в которой написано «важное», но лежат три пульта. От телевизора. Которого. У нас. Ещё. Нет.

Том выныривает из соседней комнаты, держа в руках лампу без абажура и вид человека, который последние два часа думал, что справляется значительно лучше, чем показывает реальность.

— Пульта — это важно, — говорит он с достоинством человека, отстаивающего заведомо проигрышную позицию. — Когда телевизор появится, мы будем готовы.

— Мы будем готовы управлять телевизором, который не можем найти, потому что коробка с самим телевизором подписана «СПАЛЬНЯ», а телевизор, Том, не спит с нами.

— Ну, знаешь, — он делает паузу, явно подбирая финансовую метафору, которая, как он думает, произведёт на неё впечатление, — это как диверсификация активов. Раскладываешь риски по разным коробкам.

— Это называется хаос, Том. Финансовый термин для хаоса — «хаос».

Он смеётся, и она, вопреки собственному раздражению, тоже — потому что в этом весь их последний месяц: она составляет план, он его саботирует не со зла, а просто потому, что его мозг устроен иначе, и где-то между её таблицами Excel и его коробками с необъяснимым содержимым они как-то умудряются находиться в процессе строительства общей жизни.

Грузчики, двое молчаливых поляков по имени Кшиштоф и Марек, вносят диван — тот самый, который они выбирали три недели, споткнувшись о порог с точностью, будто отрепетировали это заранее, и роняют один угол дивана прямо на ногу Тома.

— А-А-А, — говорит Том тем особым голосом, которым мужчины сообщают о боли, стараясь одновременно звучать мужественно и получить максимум сочувствия.

— Жив? — спрашивает Моника, не отрываясь от таблички с описью.

— Ты даже не посмотрела!

— Я слышу тебя. Ты жив. Живые люди кричат «а-а-а», мёртвые молчат.

— Это очень бесчувственно, Моника.

— Это называется «я тебя знаю уже год, и ты падал с этого же дивана в магазине, примеряя, удобно ли на него облакачиваться».

Кшиштоф и Марек переглядываются с той особой международной солидарностью грузчиков, которые повидали слишком много переездов и слишком много пар, чтобы удивляться подобным разговорам.

К вечеру, когда последняя коробка распакована — точнее, открыта и брошена на середине процесса, потому что человеческие силы, как выясняется, тоже конечны, — Моника и Том сидят на полу гостиной, прислонившись спинами к дивану, который наконец-то нашёл своё место, и едят карри навынос из контейнеров, потому что кухня всё ещё представляет собой археологические раскопки коробок.

— Знаешь, что странно, — говорит Том, — я год боялся этого момента. А сейчас сижу тут, ем карри вилкой, потому что не могу найти палочки, и думаю: а чего я, собственно, боялся?

— Ты боялся, что это будет необратимо, — говорит Моника, не глядя на него, потому что произносить такие вещи легче, глядя в стену.

— Да. И знаешь что? Это необратимо. Я не могу представить, чтобы мы это распаковали в обратную сторону. И это... — он делает паузу, ищет слово, — это не страшно так, как я думал. Это скорее как выдохнуть после того, как год держал воздух в груди.

Моника поворачивается к нему, и в её глазах то самое выражение, которое она обычно бережёт для моментов, когда клиент наконец понимает разницу между риском и волатильностью — смесь облегчения и гордости.

— Только попробуй сказать это моей маме не так романтично, как сейчас, — говорит она. — Она спросит про кольцо в первую же секунду, как узнает про переезд.

— Кольцо — это отдельная коробка, — говорит Том серьёзно. — Ещё не подписанная.

— Том.

— Шучу. Может быть. Ешь карри.

II

Симона встречается с новым совпадением в среду вечером — мужчиной по имени Феликс, тридцать шесть лет, преподаёт математику в университете, и, что немаловажно, единственный за последний месяц, кто не прокомментировал ни зарплату в долларах, ни независимость, ни какие-либо «паттерны успешных женщин» в первые же полчаса разговора.

Они встречаются в маленьком баре с настольными играми возле Кингс-Кросс — его выбор, и Симона, приготовившаяся к очередному претенциозному коктейльному храму, при-

ятно удивлена, обнаружив себя за столом с колодой карт вместо коктейльной карты, написанной готическим шрифтом.

— Я плохо умею вести светскую беседу, — признаётся Феликс в первые же пять минут, поправляя очки жестом человека, привыкшего делать это перед доской, полной уравнений. — Поэтому предпочитаю сразу занять руки чем-то. Иначе я либо молчу, либо говорю про топологию, а топология обычно не самая романтическая тема для первого свидания.

— А вы попробуйте, — говорит Симона. — Может, окажется, что я обожаю топологию.

— Вы не обожаете топологию.

— Не обожаю. Но я обожаю людей, которые честно предупреждают, вместо того чтобы притворяться очаровательными сорок минут, а потом внезапно объяснять, почему успешным женщинам сложно отпустить контроль в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.